

было предписано нарушение тайны исповеди, замкнулось в себе. Оно не доверяло «обществу», и недоверие было взаимным. Если дворянство в XVIII—начале XIX в. испытывало тягу к духовному «деланию», оно шло в масонство, а не в православную церковь. Были, конечно, исключения (например, преподобный Игнатий Брянчанинов), но они лишь подтверждают правило. Церковь была пощажена для надзора за духовным здоровьем низших сословий — отсюда в ней инерция страха, конформизма, пассивности.

Но была и другая инерция — сосредоточение национальных сил на секуляризованной культуре, породившее русскую классику. Та «всемирная отзывчивость», которую прославил в Пушкине Достоевский, корнями своими уходит именно в Петровскую эпоху, именно в реформу церкви. Отделив (или отдалив) церковь от «общества», Петр сблизил его с инославными и вообще иноверными культурами.